

XVI

35
10

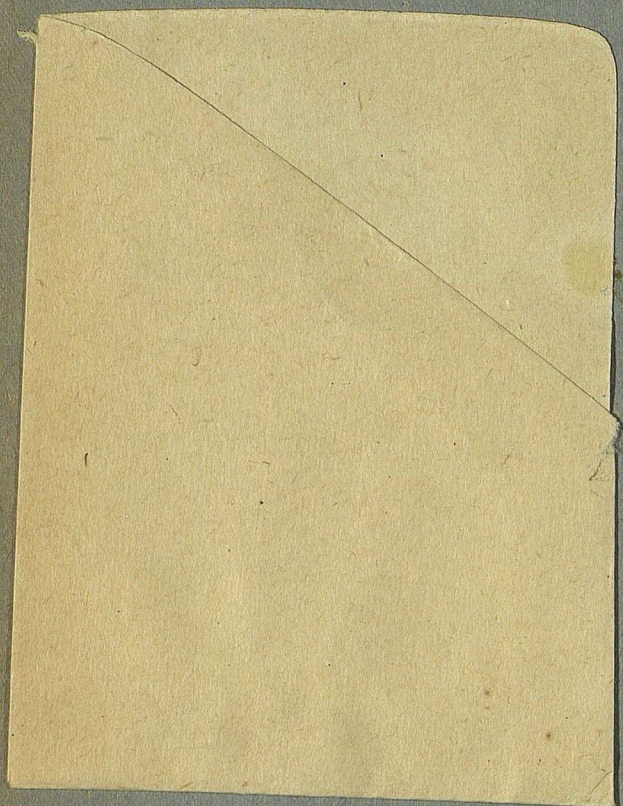
1909

~ 1-7

XVI

35
10

**ОРТОПЕДІЯ
и БАНДАЖИ**

Г. ШВАРТЦЕ,

бандажистъ и специалистъ по ортопедич. механикѣ.

Москва, Маросейка (№ 15), д. Тушинной. ☎ Телефонъ 98-20.

**МАГАЗИНЪ, МАСТЕРСНІЯ
и КАБИНЕТЫ ДЛЯ ПРИМѢРКИ.**

Къ услугамъ тамъ имѣется опытная женская особа.

Искусственная нога, руки. Ортопедическіе аппараты новой системы, какъ-то: корсеты и шивы (Hessing-Hofa). Бандажы для грыжъ и бандажы броушные. Развозможныхъ системъ. Стружковые трубки. Резиновые чулки. Новѣйшіе аппараты для домашней гимнастики отъ 2 руб. до 125 руб.

Разная франц. и гиссеніическія вѣши.

БАРОМЕТРЫ отъ 5 — 25 руб.

ГРАДУСНИКИ.

ШОКОЛАДЪ

ЭЙНЕМЪ

При этомъ номерѣ журнала всѣмъ подписчикамъ высылается
1 выпускъ **Энциклопедическаго Словаря** и
сборникъ пьесъ **Цезаря Кюи**.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

Открыта подписка на 1909 годъ
(3 годъ изданія).
Журналъ для дѣтей
9-12 лѣтнаго возраста.

Въ 1909 г. журналъ будетъ выходить по той же программѣ и съ тѣмъ же составомъ сотрудниковъ, какъ и въ прежніе годы.

ОБЪЕМЪ ЖУРНАЛА БУДЕТЪ ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧЕНЪ.

ВСѢ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 книжки журнала, содержащихъ повѣсти, рассказы, стихотворенія, популярно-образов. статьи, біографіи, музыкальн. произведенія, обзоры дѣтской литературы, занятія и работы, загадки, ребусы и пр. Журналъ иллюстр. рисунками лучшихъ русскихъ художниковъ.

6 кн. соч. Сельмы Лагерлефъ.

6 кн. соч. Жака Лондона.

10 пятиклав. пьесъ для рояля Цезаря Кюи.

12 книгъ иллюстр. Энциклопедич. Словаря для дѣтей и юношества

необходимаго справочнаго изданія, охватывающаго собой все дѣтское міросозерцаніе. Предлагаемый словарь является первой попыткой создать для дѣтей возможность самостоятельно ориентироваться во всѣхъ явленіяхъ природы и культуры.

Подписная цѣна въ годъ **3** руб. Допускается разсрочка. Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Малая Лубянна, № 20, телеф. 15-03, въ книжн. маг. „Образованіе“, Москва, Кузнецкій мостъ, въ конторѣ Печковской, Москва, Петровскій линій и въ друг. книжныхъ магазинахъ.

Иллюстрированныя просенты по требованію бесплатно.

Редакторъ-Издатель Н. И. ФИДЕЛЛИ.

Подписная цѣна 3 р. въ годъ съ пересылкой, на $\frac{1}{2}$ года 1 р. 50 к., на 3 мѣс. 80 к., на 1 мѣс. 30 к. Объявленія принимаются по цѣнѣ 30 р. © за страницу и 30 к. за строку петита. За перемѣну адреса 30 к. ©

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка по 1 рублю: при подпискѣ, 1-го Марта и 1-го Іюня.

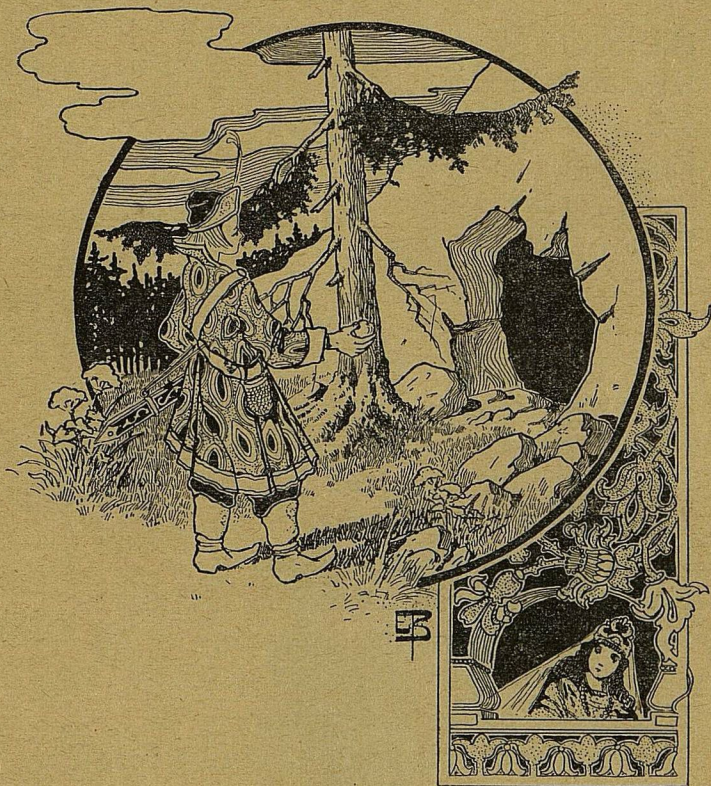

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 1. 1 Января 1909.

Содержаніе: Стихотвореніе: На Новый Годъ. Петрова - Леонидова. — Бѣдная Блошка. очеркъ М. Мюллера. (*Продолженіе слѣдуетъ*). — Стихотвор. Н. Гиляровской. — Сказка про море. М. Осоргина. — Домой. С. Кондакова-Чукаева. — Хроника. — Рисунки.

На новый годъ.

На новый годъ тебѣ, дитя,
Что пожелать могу сердечно?
Жить безмятежно и шутя?
Смотрѣть на жизнь легко, безопасно?
— Къ чему желать?! Твои года
За это лучшая порука;
И ты страдаешь иногда,
Но мимолетна эта мука.
Не помня горестей и зла,
Дитя—философъ отъ природы,
И этимъ жизнь его свѣтла,
И этимъ милы его годы.
Въ ту философію, дитя,
Года внесутъ свои поправки;
На жизнь ты взглянешь не шутя;
И сердца горестныя справки,
И зрѣлыхъ думъ тяжелый рядъ
Измѣнять радужныя грезы;
Жизнь сбросить праздничный нарядъ
И принести и боль и слезы.
Порой и горе ужъ пройдетъ,
Но ты, напуганный страданьемъ,
Все будешь чують его гнеть,
Болѣть однимъ воспоминаньемъ.
Рядъ огорченій и разлукъ
Тебя сурово ожидаетъ,

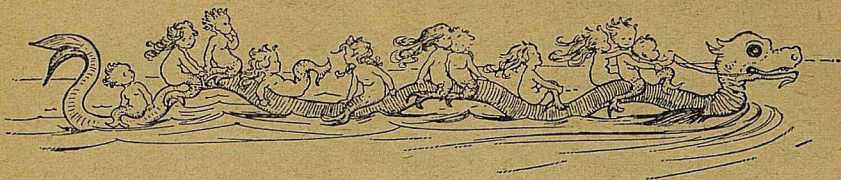

Но въ сферѣ горестей и мукъ
Душа растеть и созрѣваетъ.
И ужъ серьезно, не шутя,
По мѣрѣ нравственнаго роста,
Ты на страданья, какъ дитя,
Смотрѣть начнешь легко и просто.
Ты постараясь найти
Въ нихъ Высшей Воли указанья,
На уклоненья отъ пути
Добра, любви и состраданья.
Пройдя рядъ тягостныхъ невзгодъ,
Найти ихъ смыслъ для жизни вѣчной,
Тебѣ, дитя, на новый годъ
Я пожелать могу сердечно.

Петровъ-Леонидовъ.

БѢДНАЯ БЛОШКА.

Жизнь китайскаго мальчика

очеркъ М. Мюллеръ.

Бѣдная Блошка былъ славный, круглолицый китайскій мальчуганъ, съ маленькимъ плоскимъ носомъ и парой красивыхъ, узкихъ глазъ. Онъ родился съ длинными, черными волосами, и его мать съ гордостью говорила: „О, у моего Блошки будетъ превосходная коса.“

Но если бѣдная Блошка былъ такой славный ребенокъ, какъ же могло случиться, что родители дали ему столь унижительное имя? Бѣдная Блошка! Подумайте только: прелестному мальчику дать такое имя!

Случилось это вотъ какъ: родители Блошки были зажиточные люди и строили широкіе планы насчетъ будущности сына. Они собирались дать ему хорошее образованіе въ надеждѣ, что изъ него выйдетъ великій человѣкъ. Родители Блошки жили въ большомъ домѣ, и было у нихъ множество слугъ, которые ходили за Блошкой и забавляли его, такъ что Блошкѣ только птичьяго молока недоставало.

Но вы, можетъ быть, еще не догадываетесь, почему Блошка получилъ такое неблагозвучное имя?

У насъ такому славному мальчику, какъ Блошка, дали бы самое лучшее имя, какое только можно выдумать. Со-

всѣмъ иначе въ Китаѣ. У китайцевъ существуютъ злые духи—такъ они утверждаютъ—и эти злые духи только о томъ и думаютъ, какъ бы кому нибудь напакостить.

Народъ вѣритъ, что злые духи насылаютъ свои злыя чары на маленькихъ мальчиковъ, особенно тѣхъ, которыхъ ждетъ блестящая карьера.

Едва духи находятъ мальчугана, въ которомъ родители души не чаютъ и изъ котораго хотятъ сдѣлать великаго мужа, какъ они уже и готовы замучить его. Они выталкиваютъ его изъ рукъ няни; насылаютъ на него болѣзни—корь и оспу. Они переламываютъ ему кости; они не даютъ его волосамъ расти, какъ слѣдуетъ. А что такое китайскій мальчикъ безъ косички?

И вотъ родители обманываютъ злыхъ духовъ, давая дѣтямъ дурныя имена. Родители думаютъ:—„назовемъ нашего мальчика самымъ гнуснымъ именемъ, какое только придумаемъ. Услышавъ это имя, злые духи скажутъ:“ какое мерзкое имя! Это должно быть отвратительный ребенокъ. Не будемъ его мучить. Родители совсѣмъ не любятъ его, иначе они не дали бы ему такого сквернаго имени. Поищемъ другого ребенка, котораго родители любятъ и который носить хорошее имя.

У Блошки раньше была сестра. Но дѣвочекъ у китайцевъ не очень любятъ. И когда родилась сестра Блошки, то сосѣди пришли утѣшать отца и мать: „ахъ, какое несчастье! Какая бѣда!“ говорили они. „Но вы не очень убивайтесь; авось она еще умретъ.“

И вскорѣ дѣвочка дѣйствительно умерла. Велика была радость въ домѣ Блошки; бѣдную дѣвочку повезли къ большой башнѣ за городомъ. Маленькій трупикъ просунули въ одно изъ окошечекъ башни и столкнули въ большую яму.

Даже Блошку сбросили-бы съ этой башни, еслибы онъ

умеръ: когда въ Китаѣ умираетъ ребенокъ, родители бывають увѣрены, что онъ одержимъ злымъ духомъ. „Еслибы онъ остался въ живыхъ“, говорятъ они, „мы намучились бы съ нимъ. Навѣрное его злой духъ не оставлялъ бы насъ въ покоѣ. Забудемъ же его поскорѣ!“

Какъ мы уже говорили, родители Блошки были люди состоятельные. Они жили на отличной фермѣ, а мать Блошки была совсѣмъ барыня. У нея было круглое лицо и открытый высокій лобъ по китайской модѣ; въ Китаѣ женщины зачесываютъ волосы со лба, чтобы лобъ казался выше.

Ногти на рукахъ Блошкиной матери были очень длинные, и она носила ихъ въ серебрянныхъ футлярчикахъ, чтобы они не ломались. Длинные ногти должны были свидѣтельствовать о томъ, что она не занимается никакимъ трудомъ—въ Китаѣ богатые женщины считаютъ работу униженіемъ. „Только слуги и рабыни трудятся“, говорила мать Блошки и относилась съ большимъ презрѣніемъ къ трудящимся женщинамъ. У нея была крохотная, скрюченная нога, чуть побольше Блошкиной. Это служило доказательствомъ, что Блошкина мать не ходитъ. „Только слуги и рабыни ходятъ!“ часто говорила она и смотрѣла съ презрѣніемъ на женщинъ, пользующихся своими ногами.

Блошкина бабушка очень боялась, какъ бы у ея дочери не оказалось такихъ большихъ ногъ, что она сможетъ ходить; и когда дѣвочка еще была малюткой, она туго перевязала ей ноги бинтомъ, который та носила много лѣтъ, не снимая, и поэтому ноги ея были длиной всего въ три дюйма.

Она очень гордилась своими крохотными ножками и каждый день надѣвала новыя, расшитыя золотомъ, туфельки. Иногда, когда ей случалось увидѣть ноги прислуги, она го-

ворила: „фи, какія ужасныя сандаліи!“ И была счастлива, что она не носитъ ихъ.

Когда мать Блошки проходила, раскачиваясь, по комнатѣ, ея люди говорили: „какъ она граціозна! Она гибка, какъ молодая ива, колеблемая вѣтеркомъ, а ножки ея, словно золотыя лиліи.“ И госпожа съ гордостью прислушивалась къ этимъ словамъ. Они еще больше убѣждали ее въ томъ, что она ходитъ, какъ настоящая знатная дама.

Мать Блошки носила свободную тунику изъ яркаго шелка; платье ея было отдѣлано шелковыми и золотыми шнурами, а рукава доходили до самаго края юбки. Волосы свои она причесывала очень высоко, подкладывая подъ нихъ деревянный валикъ или подушечку, и украшала свою прическу множествомъ булавокъ.

Въ уши ея были продѣты тяжелыя кольца, унизывавшія также и всѣ ея пальцы; а на рукахъ ея красовалось множество разныхъ браслетовъ, такъ какъ она была большая любительница драгоценностей.

Она не умѣла ни читать, ни писать, потому что въ Китаѣ дѣвочекъ не учатъ грамотѣ. Когда она была маленькой, ее учили только тому, что должна знать китайская дѣвочка, и она познала много вещей, извѣстныхъ подъ названіемъ „четырехъ добродѣтелей.“ Эти добродѣтели заключались въ томъ, чтобы имѣть хорошія манеры, быть доброй, вѣжливой въ разговорѣ и искусной въ шитьѣ и вязаньѣ.

Кромѣ этого, ей внушены были еще три заповѣди. Первая заповѣдь гласила, что дѣвушка въ домѣ родителей должна повиноваться отцу; вторая—что дѣвушка, обзаведясь своимъ домомъ и семьей, должна быть покорной мужу; и третья заповѣдь говорила, что если у нея будутъ дѣти, она должна во всемъ слушаться своихъ сыновей.

Но вернемся къ бѣдной Блошкѣ. Когда ему было всего

нѣсколько часовъ отъ роду, за его спиной поставили четыре чашечки: одну съ виномъ, другую съ сахаромъ, третью съ капустой и четвертую съ рисомъ.

„Поставьте самыя маленькія чашечки,“ сказала мать Блошки. „Чѣмъ онѣ меньше, тѣмъ меньшимъ обжорой вырастетъ мой сынъ.“

Затѣмъ няня принесла листокъ бумаги, на которомъ было изображено солнце. Этотъ листокъ она обмакнула въ чашку съ виномъ и вытерла имъ Блошкино личико. Дѣлалось это для того, чтобы Блошка былъ красавцемъ. Послѣ этого она вложила въ ротъ ребенка нѣсколько зернышекъ риса, кусочекъ капусты, и влила каплю вина. По окончаніи всей церемоніи Бѣднаго Блошку завернули въ одѣяло и положили въ корзину, привѣшенную къ балкѣ потолка; въ этой самой корзинѣ лежалъ и отецъ Блошки, когда былъ младенцемъ.

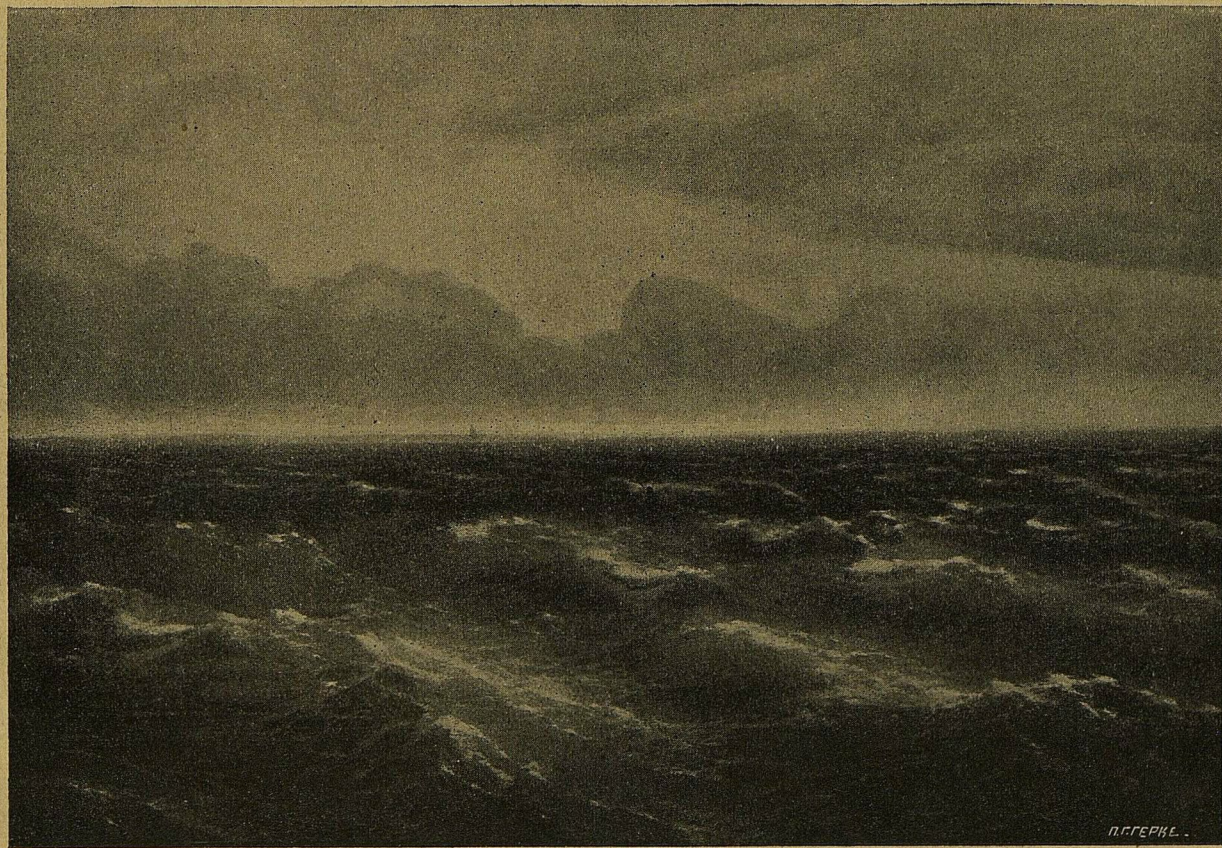
Въ первые три дня послѣ рожденія ребенка друзья Блошкиныхъ родителей носили его матери въ подарокъ ветчину и яйца. Половина принесеннаго, по обычаю, принималась, а остальное отсылалось обратно. Въ подобныхъ случаяхъ считается неучтивостью и большой жадностью взять себѣ все принесенное.

Когда Блошкѣ минуло три дня, его впервые выкупали. Онъ изо всѣхъ силъ брыкался своими крохотными ножками и кричалъ такъ громко, какъ только позволяли его маленькія легкія. Но няня мало обращала вниманія на его барахтанье и крикъ, и терла его, сколько полагалось; послѣ купанья няня понесла ребенка въ залъ, гдѣ уже ждали жрецы и друзья. Жрецы затагнули длинныя молитвы, а отецъ Блошки принесъ жертвы доброму Духу, покровителю дѣтей, послѣ чего всѣ начали пѣть.

Затѣмъ Блошку вынесли на средину залы. Предстояла

Третьяковская галерея въ Москвѣ.

Черное море.

Карт. И. К. Айвазовскаго.

самая главная церемонія этого дня, а именно, нужно было перевязать кисти рукъ ребенка краснымъ шелковымъ шнуркомъ. Гости смирно стояли во время этой процедуры, а жрецы имѣли очень торжественный видъ; дѣйствительно это былъ важный моментъ: если шнурокъ будетъ держаться крѣпко, и если удастся прочесть всѣ необходимыя молитвы, пока его завяжутъ, то Блошка не будетъ своевольнымъ и непослушнымъ мальчикомъ.

Но мы можемъ съ увѣренностью сказать, что Блошкинъ красный шнурокъ держался крѣпко, и что всѣ нужныя молитвы были прочитаны во время, такъ какъ Блошка росъ очень хорошимъ мальчикомъ, и всего нѣсколько разъ его отцу пришлось сказать: „Блошка, развѣ твои ручки были слабо связаны, когда ты былъ маленькимъ?“

На четвертый день жизни Блошки всѣ церемоніи были окончены, и Блошку съ матерью оставили въ покоѣ. Мать Блошки питалась все время ветчиной и яйцами, и только на девятый день ей дали немного рыбы.

На девятый день было еще больше церемоній. Молились опять всѣмъ домашнимъ богамъ и отправили по чашкѣ супу всѣмъ, кто прислалъ подарки Блошкиной матери.

Черезъ мѣсяцъ опять наступилъ торжественный день въ Блошкиномъ домѣ. Родители его созвали всѣхъ родственниковъ и друзей. Большіе столы были приготовлены для пиршества, и всѣ гости явились съ подарками. Была и музыка, и весь день прошелъ въ большомъ весельи. Въ этотъ день была впервые обрита круглая головка Блошки.

Бабушка Блошки совсѣмъ захлопоталась въ этотъ день. Она дѣлательно готовилась къ торжеству и поднесла внуку множество подарковъ. Она поднесла ему пять мисокъ бобовъ въ соусѣ, кувшинъ засахаренныхъ фруктовъ, миску съ пирогами, кувшинъ сахару, чернильницу, два пера, два кус-

ка туши, пять шляпъ и двѣнадцать туникъ. Она подарила ему также два шарфа, которыми мать привязывала Блошку къ своей спинѣ во время гулянья; и кромѣ того бабушка припасла еще для Блошки пару маленькихъ бритвъ, двѣ катушки нитокъ и пару крашенныхъ яицъ.

Бритвы нужны были для того, чтобы брить Блошкину голову. Но брилась, по обычаю, не вся голова сплошь. Голову брили въ нѣсколькихъ мѣстахъ, оставляя въ промежуткахъ пучки волосъ. Количество такихъ пучковъ на головѣ показывало, сколько сундуковъ приданнаго принесетъ Блошкѣ жена.

Двумя крашенными яйцами терли головку Блошки и въ то же время гладили ее катушками, а затѣмъ яйца разбили и дали ихъ съѣсть друзьямъ родителей Блошки. Это обозначало, что всѣ, съѣвшіе по кусочку яйца, будутъ друзьями и Блошки.

Матери Блошки очень хотѣлось, чтобы ея сынъ былъ безстрашнымъ мужчиной; и когда ему былъ всего мѣсяцъ, она дала ему заглянуть въ колодезь. Это придастъ ему храбрости и мужества, рѣшила она.

Мать охотнѣе кормила Блошку изъ чашечки, чѣмъ изъ блюда или тарелки, потому что широкое блюдо могло приучить ребенка жадно ѣсть. Чашка же, будучи глубокой и узкой, приучить его ѣсть понемногу.

Когда Блошка заболѣвалъ, мать собирала шипы съ двѣнадцати сортовъ шиповника и варила изъ нихъ чай, которымъ мыла ребенка, надѣясь этимъ прогнать болѣзнь. Послѣ мытья она выносила воду на открытое мѣсто и выливала ее на землю. Когда она выходила изъ дому, сосѣди плотно затворяли свои двери, чтобы болѣзнь не попала къ нимъ.

Однажды Блошка упалъ съ высокаго мѣста на землю, и мать поспѣшила принести на мѣсто паденія деньги, чтобы

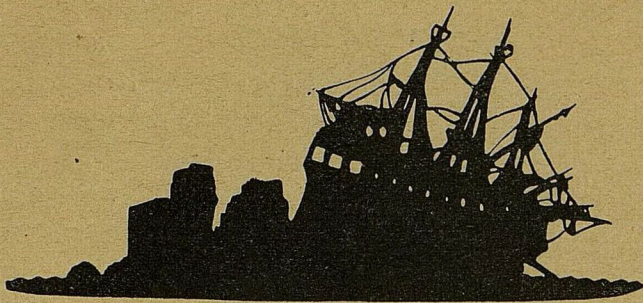
подкупить злого духа, столкнувшаго ребенка на землю. Она испугалась, не отшибъ-ли онъ себѣ ума, и стала дѣлать быстрыя движенія руками, словно выгребала что-то изъ земли и вкладывала ребенку въ грудь. Такъ она думала вернуть ему все, что онъ потерялъ при паденіи.

Три мѣсяца послѣ этого несчастнаго случая прошли спокойно для Блошки и его матери. Когда онъ начиналъ плакать, его кормили, качали, подбрасывали, какъ всѣхъ дѣтей. По истеченіи четырехъ мѣсяцевъ наступило новое торжество. Снова друзья и родственники наполнили домъ и принимали участіе въ благодарственныхъ молитвахъ доброму духу, охраняющему дѣтей. Отецъ Блошки, склонившись передъ алтаремъ, горячо молился за сына: „о, добрый духъ, покровитель дѣтей! Смилуйся надъ моимъ сыномъ, дай ему доброе сердце и скорый ростъ! Облегчи наши заботы о немъ! Пусть онъ хорошо ѣстъ и спитъ, пусть всегда будетъ здоровъ и силенъ!“

По окончаніи молитвъ на средину комнаты выдвинули кресло, сидѣнье котораго было вымазано клейстеромъ; отецъ посадилъ Блошку въ кресло и крѣпко держалъ его до тѣхъ поръ, пока клейстеръ не затвердѣлъ. Блошка испугался и кричалъ, что было мочи, но няня стояла въ сторонѣ и шептала молитвы Доброму Духу, откуда ребенокъ метался, пытаясь оторваться отъ кресла.

* * *

Море лазурное,
Синее бурное,
Волны сверкають
Шумно бурливыя,
Плещуть, играютъ
Вольно счастливыя,

Слышатся странные,
Звуки туманные,
Звуки неясные,
Нѣжно прекрасные.

Жемчугъ на илистомъ днѣ
Гимны слагаетъ лунѣ.

Арфой звенящей,
Флейтой журчащей,
Звѣзды безпечныя,
Яркія, вѣчныя

Въ синей небесъ глубинѣ
Гимны слагають лунѣ.

Горы лѣсистыя,
Скалы росистыя,
Влажно
Отважныя,

Волны поющія,
Горы цвѣтушія,
Нѣжно обвитыя,
Робко покрытыя
Гордымъ зеленымъ плющемъ,
Тучекъ небеснымъ вѣнцомъ.

Льды безконечныя,
Бѣлыя вѣчныя,

Въ дикой горахъ вышинѣ
Гимны слагають лунѣ.

Розы ползучія,
Красныя жгучія,
Лиліи бѣлыя,
Робко несмѣлыя,
Шорохъ загадочный,
Призрачно сказочный,

Море бездонное,
Солнцемъ плѣненное,
И упоенное
Небо влюбленное,

Вторая зеленой волнѣ,
Гимны слагають лунѣ.

Безансонъ.

Н. Гиляровская.

Сказка про море.

За рѣкой, на самомъ берегу, въ полуверстѣ отъ большого села и совсѣмъ въ сторонѣ отъ дороги, стоялъ домикъ въ два окна. Когда заходило солнце, въ домикъ зажигался огонь, и черезъ рѣку пробѣгали двѣ красноватыя полосы свѣта къ другому берегу. Когда же звѣзды на небѣ изъ серебрянныхъ блескокъ дѣлались яркими золотыми фонариками, свѣтъ въ окнахъ домика потухалъ. вмѣсто двухъ полосъ черезъ рѣку перекидывалась большая дорога луннаго свѣта. Иногда же, когда луна стояла высоко, другая маленькая луна баловалась на спокойной водѣ.

Въ маленькомъ домикѣ за рѣкой жило двое: дѣдъ Антонъ съ внукомъ Ваней. Дѣдъ былъ очень старъ, лѣтъ на шестьдесятъ старше Вани, а Ванѣ было семь лѣтъ. Дѣдъ былъ маленький, сгорбленный, сѣдой, а Ваня былъ бѣлокурый, кудрявый и голубоглазый. И все-таки они были похожи другъ на друга, и оба до страсти любили сказки. И даже трудно было сказать, кто изъ нихъ больше любилъ сказки,—Ваня-ли, который не бывалъ дальше родного села, или дѣдъ Антонъ, старый матросъ, который за свою долгую жизнь объѣхалъ на кораблѣ чуть-ли не весь свѣтъ и наглядѣлся всякихъ чудесъ.

Третьяковская галерея въ Москвѣ.

Утро стрѣлцкой казни.

Карт. Сурико ва.

Историческій очеркъ, поясняющій эту картину будетъ помѣщенъ въ № 2.

Ложась спать, дѣдъ Антонъ задувалъ лампу и зажигалъ лампадку въ углу передъ темнымъ образомъ. Затѣмъ онъ съ большимъ трудомъ залѣзалъ на печку, гдѣ его уже поджидалъ Ваня. На дворѣ стояла глубокая осень, но на печкѣ было тепло, а подъ дѣдовымъ мягкимъ тулупомъ и совсѣмъ хорошо. Пока дѣдъ Антонъ взлѣзалъ по лѣсенкѣ, Ваня лежалъ сверхъ тулупа, головой къ краю лежанки и, прищуривъ одинъ глазъ, смотрѣлъ на дѣда черезъ кулачекъ, какъ въ подзорную трубу. А когда дѣдъ достигалъ послѣдней ступеньки и упирался уже локтями на лежанку, Ваня всегда успѣвалъ раньше его юркнуть подъ тулупъ и свернуться тамъ калачикомъ. Такъ онъ лежалъ до тѣхъ поръ, пока дѣдъ Антонъ, отыскавъ для своихъ старыхъ костей мѣсто помягче, не произносилъ:

— „Вотъ такъ-то, Ванюша! Вотъ и еще денекъ ушелъ...

И тогда наступало самое интересное время и для дѣда и для Вани.

Ваня высовывалъ голову изъ-подъ тулупа и смотрѣлъ, какъ колеблющійся свѣтъ лампадки постепенно наполняетъ пустую избу странными тѣнями, скользящими по стѣнамъ, по потолку и беззвучно летающими по воздуху. Иногда эти длинныя, неровныя, таинственныя тѣни собирались цѣлой толпой около лежанки и пристально, не отрываясь, смотрѣли своими слѣпыми глазами на дѣда и Ваню, и Ваня также пристально глядѣлъ на нихъ; онъ ихъ почти не боялся, такъ какъ рука его крѣпко держала рукавъ дѣдовой рубахи. Тѣни толкались, слегка подпрыгивали, чтобы заглянуть на печку, залѣзали другъ другу на плечи, отбѣгали назадъ, съ разбѣга прыгали на лѣсенку, скатывались внизъ, клубкомъ взлетали къ потолку. Когда лампадка начинала шипѣть,—тѣни собирались въ избѣ густой толпой, когда же она вспыхивала ярко—быстро разбѣгались по угламъ, въ окна, подъ лавку,

въ щели потолка... А черезъ минуту изъ угла показывалась голова, изъ-подъ лавки другая, и снова начинался ихъ странный, молчаливый хороводъ.

Не спалъ и дѣдъ. Онъ также смотрѣлъ въ пустоту слабо освѣщенной избы и видѣлъ передъ собою широкой просторъ шумнаго моря, безъ конца и края. Невѣдомо откуда и куда плыли сѣрые, однотонные облака, перегоняя корабль, а волны, набѣгая одна на другую, подбрасывая вверхъ бѣлыхъ барашковъ, топтались на мѣстѣ съ глухимъ непрерывнымъ ропотомъ. И изъ сѣрыхъ и лиловыхъ волнъ поднимались невѣдомо чьи—но знакомыя тѣни, махали руками, боролись, свивались въ клубокъ и сваливались въ воду. На ихъ мѣсто выплывали новыя, еще болѣе знакомыя, и, своимъ чередомъ, уходили вслѣдъ за первыми. Море, волны, облака, и ни клочка земли, да и начто земля старому моряку...

— „Дѣдушка! А я не боюсь!“ — шепчетъ Ваня тихо, чтобы не спугнуть тѣней.

— „Чего-же бояться, Ванюша. А ты бы лучше спалъ“

— „Я, дѣдушка, спать-то не хочу“.

Трещить и чадить лампадка, Ваня жметъ ближе къ дѣду.

— „Дѣдушка, тебѣ что кажется“?

Ванюша знаетъ, что всегда кажется дѣдушкѣ въ пустой избѣ. Но ему еще хочется услышать про море, которое ему представляется странной и чудесной рѣкой безъ береговъ, по которой бѣгаютъ большіе корабли съ бѣлыми парусами.

И тѣни, столпившись у лежанки, слушаютъ рассказы стараго матроса про далекія воды и чужія земли, про морскихъ и земныхъ чудовищъ, про дѣвственные лѣса, безконечныя степи, про черныхъ и красныхъ людей. Нѣтъ у этихъ Разказовъ ни конца, ни начала, и Ваня знаетъ, какъ знаетъ

то и дѣдъ Антонъ, что это не былъ, и не правда, и не выдумка, а просто далекая, безконечная, чудная сказка...

Въ бѣломъ туманѣ по теплымъ водамъ несется стрѣлой большой корабль, и паруса его, надутые вѣтромъ, кажутся крыльями громаднаго бѣлаго лебедя,

Нѣтъ береговъ, и глазамъ не вѣрится, что корабль несется впередъ.

Кажется, что, окруженный шаромъ тумана и прижатый къ волнамъ, онъ не движется, а бѣлые барашки валомъ то пробѣгаютъ мимо него близко-близко, то невдалекѣ топчутся на мѣстѣ цѣлымъ хороводомъ.

Кажется, что ему никогда не выбраться изъ заколдованнаго круга воды и тумана, а жадныя акулы и другія морскія чудовища, высунувъ изъ воды головы, ждутъ, когда разыграется море, перевернетъ эту щепку, обломаетъ мачты, смочить и сорветъ паруса, разметаешь по волнамъ бочки, ящики, доски, людей, закрутить, задушить и бросить въ пасть чудовищамъ ихъ желанную добычу.

Но туманъ рѣдѣетъ, свѣтлѣетъ, и видна уже освѣщенная солнцемъ полоса берега.

Туманы, покинувъ море, собрались у верхушекъ горъ и, протянувшись къ небу, слились съ облаками.

Быстро движется берегъ навстрѣчу кораблю, движется и растетъ, открывая взорамъ города изъ бѣлаго мрамора, лѣса изъ высокихъ пальмъ, черные входы прибрежныхъ пещеръ, какъ снѣгъ, бѣлую полосу морского прибоя.

Растетъ берегъ, и вмѣстѣ съ нимъ растутъ и горы, и пальмы, и колонны храмовъ, и люди, которые издали казались малыми разноцвѣтными букашками. Они бѣгутъ въ гавань, куда гордые паруса несутъ корабль послѣ долгихъ скитаній по морю.

И первымъ, во главѣ усталыхъ и счастливыхъ путеше-

Третьяковская галерея въ Москвѣ.

№ 1

Дѣтскій мѣръ.

21

Охотники на привалѣ.

Карт. В. Г. Перова.

ственниковъ, выходитъ онъ, Ваня, въ расшитомъ золотомъ пурпурномъ плащѣ, въ шляпѣ, украшенной драгоценными камнями и павлиньими перьями.

Онъ идетъ сквозь длинный строй туземцевъ, одѣтыхъ въ пунцовые, желтые и свѣтло-зеленые халаты. Съ двухъ башенокъ городскихъ воротъ трубятъ въ честь его пріѣзда въ длинныя серебрянныя трубы и бьютъ въ барабаны.

Прямо, не останавливаясь, Ваня подымается вверхъ, къ своему бѣлому дворцу. Онъ выстроенъ на высокой скалѣ, въ виду моря, выше его только гора, верхушка которой обвита туманами; но и ниже этого неприступнаго замка орлы вьютъ свои гнѣзда.

Съ середины скалы идетъ вверхъ широкая мраморная лѣстница, прерываемая частыми просторными площадками. На площадкахъ искрятся на солнцѣ, дышащія прохладой фонтаны, по обѣимъ сторонамъ лѣстницы съ ревомъ и грохотомъ несутся внизъ и прыгаютъ по камнямъ огромные водопады. Ихъ воды не видно: видно только бѣлую пѣну и цѣлыя облака водяной пыли, въ которой всецвѣтной радугой переливается солнечный лучъ.

Далеко позади остались усталые спутники Вани; сверху ихъ яркія одежды кажутся цвѣтами, брошенными на бѣлый мраморъ лѣстницы.

Но Ваня не знаетъ усталости. Вотъ онъ уже достигъ террасы своего дворца и оглянулся назадъ. Городъ, съ его храмами и башнями, превратился теперь въ блестящее бѣлое пятно на темныхъ скалахъ. Передъ Ваней во всей красотѣ легло гладкое выпуклое море; и вѣчно это море, накрытое лазуревымъ куполомъ неба. И вѣчно это небо погружается въ море; и вѣчно это море льетъ излишекъ своей воды за край неба, въ невидимую бездонную пропасть. И

туда же, въ эту свѣтлую пропасть, вода унесла корабль, привезшій Ваню въ эту чудную страну.

Ваня смотритъ внизъ по лѣстницѣ. Теперь она вся усыпана пунцовыми и желтыми цвѣтами, перевитыми зеленью. Цвѣты скользятъ по ступенямъ мрамора, гирляндами обвиваются вокругъ фонтановъ, стрелглавъ уносятся внизъ, къ морю, въ бѣлоснѣжной пѣнѣ водопадовъ, и горячее солнце растворяетъ въ воздухѣ ихъ сладкій ароматъ.

У Вани впервые закружилась голова, и онъ прилегъ въ тѣни винограда на нѣжную, и гладкую, какъ шелкъ, шкуру пантеры, брошенную на мягкое ложе.

Глаза его закрылись, снизу доносятся звуки серебрянныхъ трубъ, надъ нимъ вдаль кричатъ орлы, и чей-то знакомый, родной голосъ шепчетъ ему на ухо другую волшебную сказку...

Это было въ другой странѣ, гдѣ солнце рѣдко выходитъ изъ-за тучъ, гдѣ цѣлыми мѣсяцами тянется ночь, и земля покрыта толстой корой снѣга и льда. Тамъ нѣтъ цвѣтовъ, и только на крутыхъ склонахъ горъ торчитъ изъ-подъ снѣга бурый колючій мохъ.

Но и въ этой далекой холодной странѣ много чудеснаго.

Тамъ по ночамъ загораются воздухъ на сѣверной сторонѣ неба. Полосы пламени охватываютъ все небо краснымъ заревомъ, и бѣлый снѣгъ окрашивается въ цвѣтъ крови. Громадныя льдины, тихо двигаясь по темной поверхности моря, дѣлаются прозрачными, какъ будто внутри ихъ зажгли розовый фонарь. По цѣлымъ часамъ, по цѣлымъ ночамъ горитъ воздухъ, перекидывая черезъ небо горяшіе снопы и вплетая въ багровый свѣтъ огни равноцвѣтныхъ оттѣнковъ.

Жителямъ этой страны незнакомы другіе цвѣты, кромѣ тѣхъ, которые ночью сыплются съ неба въ воздушномъ пожарѣ. Эти цвѣты холодны, какъ все въ ихъ холодной странѣ

они не даютъ аромата, но зато они не блекнутъ; а если и тускнѣетъ ихъ огонь къ утру, то лишь для того, чтобы вновь еще ярче расцвѣсти къ ночи.

Сюда, въ загроможденный льдинами заливъ, привезъ Ваню обросшій льдомъ, отяжелѣвшій корабль.

Синій саванъ снѣговъ скрылъ черту берега и слилъ хребты горъ съ чудовищными прозрачными глыбами замерзшей воды.

Никто не вышелъ навстрѣчу кораблю. Его привѣтствовали моржи и тюлени своимъ рѣзкимъ крикомъ, да медвѣдь, одѣтый въ богатую бѣлую шубу, добродушно кивнулъ ему головой.

Но небо, завидѣвъ смѣлаго путешественника, зардѣлось на сѣверѣ алымъ свѣтомъ. Вспыхнулъ воздухъ и заметалъ искры свѣта въ самые дальніе углы темнаго небосклона. Отъ ледяныхъ глыбъ легли зеленые тѣни, отъ лоснящихся тюленей поднялся розовый паръ, и морская бездна сдѣлалась еще болѣе темной и бесконечно глубокой.

Хододомъ вѣяло отъ раскаленнаго неба, и не хватило бы моря, чтобы залить небесный пожаръ.

Высадившись на льдину, Ваня подалъ знакъ, и корабль съ горящими парусами поплылъ обратно, въ самую пасть бездоннаго моря, въ самое сердце пожара, оставивъ Ваню одинокимъ среди моржей и бѣлыхъ медвѣдей.

Ваня сдѣлалъ шагъ,—и передъ нимъ выросла громадная мохнатая розовая фигура.

Еще шагъ,—и медвѣди его окружили.

Стоя на заднихъ лапахъ, они плавно кружили передними по воздуху и въ тактъ повертывали свои тонкія морды съ парой маленькихъ добрыхъ глазъ. Они понимали, что Ваня ихъ не боится и предлагали ему свою дружбу, свою ласку и теплоту своихъ пушистыхъ шубъ.

Третьяковская галерея въ Москвѣ.

Послѣ дождя.

Кар. И. И. Левитанъ

Протянувъ имъ обѣ руки, Ваня почувствовалъ мягкія, привѣтливыя пожатія и, подчиняясь новымъ друзьямъ, пошелъ за ними въ прозрачную ледяную пещеру, полную зеленоватого-голубого свѣта.

Ваня не чувствовалъ холода. Его уложили на мягкій теплый, пушистый снѣгъ, два медвѣдя закрыли его своимъ мѣхомъ и согрѣвали влажнымъ дыханіемъ. Въ сладкой дремотѣ онъ гладили рукою лапу одного медвѣдя, который прежнимъ ровнымъ знакомымъ голосомъ говорилъ Ванѣ новую чудесную сказку.

Корабль бросало съ волны на волну, какъ легкую щепку. Да онъ и былъ щепкой въ сравненіи съ этимъ страшнымъ, свирѣпымъ чудовищемъ-моремъ, этимъ стоглазымъ великаномъ, не знающимъ жалости. Мокрые обрывки парусовъ болтались на обломкахъ мачтъ вмѣстѣ съ кучей негодныхъ веревокъ. У гордаго лебедя были разбиты оба крыла... Команда корабля не смѣла показаться на палубу, черезъ которую безпрестанно перекачивались волны, и въ смерти ждала избавленія отъ ужаснаго ожиданія смерти.

Но не хотѣлъ знать страха Ваня. Крѣпко держась за основу сломанной мачты и обрывокъ каната, онъ стоялъ на верхней палубѣ, наслаждаясь красотой бушующаго моря. Онъ былъ счастливъ тѣмъ, что на его долю выпало увидѣть море во всемъ его величій и силѣ.

И, вглядываясь въ водяные холмы и горы, Ваня началъ понимать, что не самый корабль приводитъ море въ бѣшенство, а это въ немъ, безстрашномъ Ванѣ, видитъ оно своего соперника. Погубить его, увлечь въ свою глубину море можетъ, но не въ силахъ оно внушить ему страхъ, не въ силахъ внушить ему ничего, кромѣ простого любопытства. И оттого бушуетъ море, и потому оно медлитъ покончить счеты со своей игрушкой...

Уже неразъ волна, перекидываясь черезъ борта корабля, со страшной силой отрывала отъ палубы ноги Вани; тогда онъ повисалъ на рукахъ и видѣлъ подъ собой крутой холмъ бѣлой кипящей пѣны. Крѣпко держась за канатъ и ощущая во рту соленую пыль, Ваня торжествующе шепталъ:

— Дѣдушка! Я не боюсь, я не боюсь!

— Чего же бояться, Ванюша,—слышалъ онъ въ отвѣтъ.— Вѣдь это только сказка, мальчикъ, сказка про море...

Вдали Ваня увидалъ высокія синія горы со снѣговыми верхушками. Эти горы грядой быстро приближались къ нему.

Это были горы воды, увѣнчанныя снѣжной пѣной. Это была послѣдняя волна потерявшаго голову моря. Это была волна-великанъ, и ея верхушка подпирала небо, расталкивала облака, уходила въ высь, неслась къ Ванѣ, загибалась отъ своей тяжести, образуя прозрачный сводъ, который сейчасъ закроетъ корабль.

И не было страха въ Ванѣ. Онъ, оттолкнувъ канатъ, поднялъ руки вверхъ, откуда уже рушилась къ нему полосатая выгнутая масса соленой воды и пѣны, и крикнулъ:

— Дѣдушка! Смотри же, дѣдушка! Вотъ я! Вотъ Ваня! Я не боюсь!

Ваня плавно погружался въ морскую глубину и, улыбаясь, слушалъ, какъ на ухо ему шепчетъ родной знакомый голосъ:

— Это сказка, Ванюша, это только просто сказка про море.

И, открывъ глаза, Ваня смотрѣлъ снизу на поверхность моря. Онъ видѣлъ, какъ отъ него отдалялись хрустальные куполы причудливой формы. Ему казалось, что онъ проникъ въ сказочный стеклянный храмъ, который раньше видѣлъ только снаружи. Прямо надъ нимъ возвышался главный ку-

поль храма—та самая волна, которая прикрыла его; но теперь пѣны не видно. Внутри она кажется гладкой, только къ ея поверхности приросли, какъ драгоценные камни, миллионы прозрачныхъ пузырьковъ воздуха. Такіе же пузырьки забились въ одежду Вани и между пальцами рукъ. Онъ стряхнулъ ихъ съ одежды, и они быстро, вытянувшись въ жемчужную нитку, помчались вверхъ, къ прозрачному куполу храма. На пути ихъ ловили рыбы, которыя свободно скользили внутри храма, какъ скользятъ птицы въ воздухѣ.

А самый храмъ дѣлался все шире, главный куполь его слился съ боковыми, образовавъ почти ровную крышу, унизанную блестящими точками воздуха. Голубой свѣтъ дѣлался гуще, переходя въ какой-то особый зеленоватый, лучистый и загадочный свѣтъ морской пучины. Тамъ и сямъ замелькали фонарики свѣтящихся рыбъ. На гибкомъ, изогнутомъ дугой, крѣпкомъ усиѣ двигались впереди рыбъ ихъ удивительные фонарики, освѣщая имъ путь и добычу. Цѣлой стаей собрались онѣ вокругъ Вани, наведя на него свои фонари. Свѣтящаяся морская звѣзда сѣла ему на грудь, переливаясь всѣми цвѣтами. И при ихъ свѣтѣ Ваня увидалъ, что съ обѣихъ сторонъ его поддерживаютъ своими длинными носами и медленно опускаютъ на дно рыбы-мечи.

Чѣмъ ниже — тѣмъ сильнѣе загадочный зеленоватый свѣтъ. Теперь свѣтится все: рыбы, морскія звѣзды, медузы, губки, спруты, пауки, громадныя раковины, какія-то гигантскія растенія, кораллы и мириады мельчайшихъ животныхъ, которыми полна вода; и даже тѣмъ же свѣтомъ свѣтится одежда Вани.

Теперь онъ уже лежитъ на днѣ, окруженный свѣтлыми жителями морской глубины...

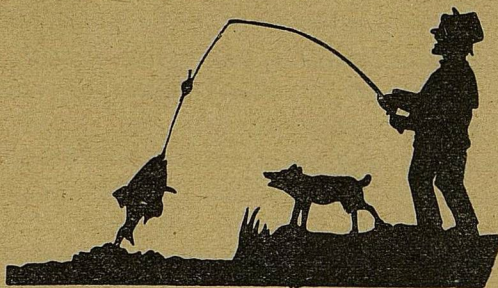
И тихимъ, отдаленнымъ журчаньемъ доносится къ нему прежній родной голосъ, поющій ему безъ конца и безъ на-

чала знакомую и любимую сказку, простую сказку про море...

И засыпаетъ Ваня...

М. Осоргинъ.

Д о м о й.

Вешній солнечный день. По дорогѣ изъ города идутъ два подростка; первый футлярщикъ Филька, на видѣ лѣтъ тринадцати, высокій, худой, на изморенномъ лицѣ грустное не по годамъ выраженіе, шагаетъ быстро и безучастно смотритъ на все окружающее. Второй, башмачникъ Гараська, моложе перваго, но гораздо плотнѣе и коренастѣе, идетъ „въ развалку“, на все смотритъ, всему улыбается, отчего съ чумазыхъ щекъ не сходятъ двѣ ямочки. Одѣты какъ тотъ такъ и другой „по весеннему“. Филька въ широкомъ „пинжакѣ“, съ плеча одного мастера, Гараська въ хозяйкиной „куцавейкѣ“ и дамскихъ башмакахъ съ высокими каблуками. Оба находятся „въ бѣгахъ“ отъ хозяевъ. Насколько Филька былъ ко всему безучастно-равнодушень, настолько Гараська радостно-веселъ; Фильку городъ „додѣлалъ до ручки“; онъ шелъ медленно, устало и мысленно вспоминалъ картину прошлогодняго побѣга; тогда онъ также былъ веселъ, мечталъ жить „навсегда“ въ деревнѣ, работать, какъ ломовая лошадь, готовился перенести всякую работу, лишь бы не попасть снова въ городъ, но мечты остались мечтами, Фильку снова отвели въ городъ, сдали хозяину, тотъ выпоролъ, и все опять пошло по старому, до новой весны, до новаго побѣга въ деревню...

— Гараська, не отставай!—отрывисто говорилъ онъ, оборачиваясь назадъ. Гараська подпрыгивалъ, и присвистывая, догонялъ друга.

— Эдыкъ мы съ тобой до завтраго не дойдемъ,—наставительно замѣчалъ Филька, не одобряя Гараськиныхъ шалостей,—намъ, почитай, двадцать верстъ еще надо отжарить, а ты балуешься на каждомъ шагу.—А мы не заблудимся?—тревожно спрашивалъ Гараська.—Со мной не заблудишься, я вѣдь не первый разъ здѣсь иду; вонъ какъ до того высокаго лѣса дойдемъ—показалъ Филька—такъ сейчасъ мелко лѣсьемъ налѣво, а тамъ прямая дорога.

Нѣсколько минутъ друзья идутъ молча, Филька смотритъ впередъ и соображаетъ дорогу, Гараська не отстаетъ и старается быть серьезнымъ.—Сперва я у тебя ночую,—мечтаетъ Гараська—а на другой день оба ко мнѣ пойдемъ, такъ Филька?—такъ!

— Моя мать меня за это не тронетъ, я все ей расскажу, скажу какъ мастера били, какъ за виномъ посылали, все, все расскажу! Гараська хмуритъ брови и, сжавъ маленькіе кулачки, идетъ въ боевой позѣ.—Мнѣ на первомъ разѣ будетъ лупцовка—говоритъ, въ свою очередь, Филька—только въ городъ опять уже не поведетъ.—А почему?—спрашиваетъ Гараська.—Хозяинъ не возьметъ, у меня кашель, и грудь болитъ, дохтуръ сказывалъ хозяину, что у меня чахотка.—А ну-ка ты помрешь? тревожно спрашиваетъ Гараська.—Въ городѣ если жить, помрешь, а въ деревнѣ она ничего не сдѣлаетъ. Гараська молчитъ и украдкой заглядываетъ въ лицо другу. Филька глубоко вздыхаетъ и говоритъ:—Вотъ поживешь подольше въ городѣ, и ты такъ хворать будешь.—А я больше туда не пойду!—рѣшительно говоритъ Гараська.—Не пойдешь, погоди на веревочкѣ будутъ водить! Филька улыбается Гараськиному понятію о своей волѣ, Гараська конфузливо смотритъ въ сторону, и понемногу начинаетъ отставать, прихрамывая на одну ногу. Что, аль ногу стеръ?—заботливо спрашиваетъ Филька—Портянка подвернулася, итти нельзя—жалуется Гараська.—Эхъ ма! вонъ на томъ бугоркѣ сейчасъ перебуешься.

Дойдя до небольшого зеленого бугорка, друзья останавливаются, Гараська снимаетъ башмакъ и кладетъ Филькѣ на колѣни мокрую ногу; Филька внимательно начинаетъ осматривать;—стереть еще не стеръ, а только намаялъ въ двухъ мѣстахъ, потомъ ловко обертываетъ ногу портянкой—хорошо? Хорошо!—хвалитъ Гараська—теперь никогда не сотрешь, ну а теперь немного отдохнемъ. Оба ложатся

на спины и смотреть на голубое безоблачное небо. Гараська, не выдержавъ, говорить:—ни одной тучки, куда ни посмотри, вездѣ небо одинаковое.—Весной всегда такое бываетъ—замѣчаетъ Филька.—А что Филька, пролетѣли журавли теперь аль нѣтъ?—спрашиваетъ Гараська—эва, опомнися, давно уже пролетѣли!—И ледъ прошелъ?—Все прошло,—отвѣчаетъ Филька. На чумазомъ лицѣ Гараськи разливается грусть и разочарованіе, онъ вспоминаетъ прошедшія весны, поднебесные крики журавлей, широкіе разливы, шумливый ледоходъ, рыбную ловлю, и отъ всего этого быстро начинаетъ хлопать глазами...—А я жаворонка вижу!—неожиданно вскрикнулъ Филька.—Гдѣ?—встрепенулся Гараська.—Вонъ около того синяго облачка, видишь, какъ крылышками онъ мигаетъ?—Вижу, вижу!—радостно вскрикиваетъ Гараська. Но жаворонокъ пѣлъ недолго, чрезъ нѣсколько минутъ онъ быстрымъ косымъ полетомъ опустился на землю.—Въ городѣ они такъ хорошо не поютъ—замѣтилъ Филька—у моего хозяина былъ одинъ, такъ только чирикалъ, а потомъ отъ духоты и совсѣмъ умеръ.—Жалко,—вдумчиво говоритъ Гараська.—Филька не отвѣчаетъ. Поднявшись съ бугорка, оба пріятеля вышли на дорогу и снова побрели къ родному гнѣзду. Филька кашлялъ и хватался за грудь, Гараська тревожно прислушивался и украдкой смотрѣлъ на друга.

С. Кондаковъ-Чунаевъ.

Х р о н и к а.

Во Франціи много писали о всевозможныхъ преступленіяхъ, которыя совершались за послѣднее время. Мы не доктора-психіаторы, чтобы интересоваться всякими отклоненіями отъ нормальной человѣческой души, и находимъ гораздо цѣлесообразнѣе обратить вниманіе на геройскіе подвиги человѣколюбцевъ.

Приводимъ выдержки изъ статьи „Les enfants Héros“ (Дѣти герои), въ надеждѣ, что русскимъ дѣтямъ это будетъ интересно прочесть.

Подвиги французскихъ дѣтей.

Въ маѣ прошлаго года въ Локирехъ (фр. провинція) пять ребятъ малъ-ма-

ло-меньше сѣли въ лодку, на которой большими буквами красовалась надпись: „Божія воля“, и принялись играть.

Какъ они тамъ играли неизвѣстно, за ними никто не присматривалъ, только черезъ нѣсколько времени лодка отвязалась и поплыла въ открытое море. Дѣти навѣрное утонули бы, еслибы въ это время не проходилъ мимо подростокъ Оливье Гоцъ, ученикъ паяльнаго мастера. Онъ услыхалъ крикъ дѣтей съ моря и увидалъ, что на берегу мечется человѣкъ, плачетъ и въ отчаяніи рветъ на себѣ волосы. Этотъ человѣкъ былъ отецъ одного изъ гибнувшихъ ребятъ, несчастный не умѣлъ плавать и, обезумѣвъ отъ страха, вопилъ: „Спасите! Спасите“. „Берите другую лодку и помогите мнѣ!“ крикнулъ ему Гоцъ.

Повидимому, несчастный уже ничего не могъ соображать и не обратилъ вниманіе на слова Гоца.

Волны набѣгали на лодку, захлестывали въ нее воду и все далѣе и далѣе угоняли ее отъ берега. Гоцъ, видя, что нельзя терять времени, бросился вплавь въ догонку дѣтямъ.

Скоро онъ настигъ ихъ, велѣлъ имъ сидѣть смирно, взялъ одного ребенка въ одну руку, а другой рукой сталъ подталкивать лодку къ берегу. Дѣло шло недурно, и берегъ былъ уже близокъ, когда самага маленькаго изъ дѣтей, Илеса, нахлынувшая волна унесла съ собою, Гоцъ вытащилъ Иле-

са изъ воды и посадилъ въ лодку, но волны нахлынули снова и перевернули лодку вверхъ дномъ, т. ч. всѣ дѣти попадали въ море.

Казалось, не было больше для нихъ спасенія, но Гоцъ и тутъ не растерялся. Онъ поодионокѣ одного за другимъ, вытащилъ ихъ на берегъ, и работалъ съ такою поспѣшностью, что всѣ дѣти остались живы.

* * *

Въ Портъ-Маріа восьмилѣтній ребенокъ упалъ изъ лодки въ воду и пошелъ ко дну въ томъ мѣстѣ, гдѣ глубина достигаетъ 10 арш.

Портъ былъ полонъ судовъ, но не смотря на то, нашелся только одинъ человѣкъ, который бросился спасать утопающаго. Этотъ человѣкъ былъ тщедушный 14-лѣтній юноша, по имени Галенъ. Его отецъ утонулъ, спасая погибающаго, его братъ упалъ съ мачты и убитъ до смерти. Онъ самъ былъ теперь старшимъ въ семьѣ—опорой ея. Но размышлять Галену не было времени. Быстро скинувъ одежду, онъ бросился въ море и нырнулъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ребенокъ пошелъ ко дну.

Черезъ нѣсколько минутъ Галенъ приплылъ къ берегу съ спасеннымъ имъ мальчуганомъ, который остался живъ и невредимъ.

* * *

ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ

7-ГО Д-МЯ

Русаков и Попов
МОСКВА.

Кузнецкій пер., (близъ Петровки), домъ Горчакова, 4 — 17.

Иллюстрированныя прейс-куранты бесплатно.

Требуйте вездѣ.

Ч а й

„Т. ВА К А Р А В А Н Ъ“

Требуйте вездѣ.

Правленіе въ Москвѣ, Варварка, домъ Страхов. О-ва „Якорь“.

Телефонъ Правленія № 13-21.

Телефонъ отдѣленія приема заказовъ № 28-66.

Развѣска чая производится

въ городахъ:

Москвѣ, Одессѣ, Уфѣ, Самаркандѣ и Томскѣ.

Розничные магазины въ Москвѣ:

1) Арбатскія ворота.	6) Тверская-Ямская.
2) Охотный рядъ.	7) Долгоруковская.
3) Мясницкая.	8) Серпуховскія ворота.
4) Смоленскій рынокъ.	9) Рогожская.
5) Срѣтенка.	10) Покровка.

Оптовые склады имѣются въ городахъ:

Архангельскѣ, Астрахани, Варшавѣ, Вильнѣ, Вяткѣ, Екатеринбургѣ, Кіевѣ, Кокандѣ, Нижнемъ, Новороссѣ, Одессѣ, Омскѣ, Оренбургѣ, Перми, Ригѣ, Ростовѣ и/Дону, Рыбинскѣ, Самаркандѣ, С.-Петербургѣ, Семипалатинскѣ, Тифлисѣ, Томскѣ, Уральскѣ, Уфѣ и Харьковѣ.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ:

въ Даниловѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Ташкентѣ и Ярославлѣ.

Особенно рекомендуются чай №№ 50, 51, 52 и 53
подъ названіемъ „ЛЮБИТЕЛЬСКІЙ“.